

УДК 008

ПЕРЕХОД И ПЕРЕХОДНОСТЬ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ

© Андрей Владимирович МАЛЫШЕВ

Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С.А. Герасимова, г. Москва, Российская Федерация,
кандидат экономических наук, доцент, e-mail: l-geraschenko@yandex.ru

Рассмотрены понятия перехода и переходности с учетом влияния деконструкции на процессы, происходящие в культуре.

Ключевые слова: деконструкция; переход; переходность; культура.

Нередко в современной научной литературе встречаются попытки исследовать понятия перехода и переходности с учетом интерпретации деконструкции. Данное направление исследование представляется нам продуктивным, поэтому остановимся на краткой характеристике основных положений сторонников теорий деконструкции. Вначале необходимо уточнить, что традиционно понимается под «деконструкцией». С. Махлина дает этому понятию следующее определение: «понятие о природе значения и возможностях интерпретации», критика текста с таких позиций, порождающая «ничем не контролируемый поток прочтений, в котором необходимы ограничения, способствующие дешифровке мира как текста»; «стиль в архитектуре... Это стиль-обманка: все, что ты видишь и принимаешь за конструкции, на самом деле – декорации, а сама конструкция спрятана. Это вызов общепринятому «что полезно, то и красиво» [1, с. 76].

Первоначально под словом «деконструкция» понималась литературно-критическая практика постструктурализма, которая впоследствии расширила границы своего влияния на область социологии, психологии, философии и культурологии. К числу деконструктивистов обычно относят следующие имена: Ж. Деррида, П. де Ман, Х. Миллер, Х. Блум. Ими в 1970–1980 гг. были теоретически определены основные положения концепции деконструктивизма.

Десятилетием позже появился т. н. «герменевтический деконструктивизм». У. Спейнос, Дж. Риддел, П. Бове, Э. Истхоуп – вот далеко не полный перечень имен, которые работали над выявлением следующих типов деконструкции:

– критика, которая бросает вызов реалистическому принципу восприятия, выступает против рациональной трактовки любого культурного процесса;

– критическая техника, которая помогает обнаружить в культуре несколько различных, существующих одновременно друг с другом его прочтений;

– саморефлексивная ирония авторов того или иного произведения культуры по отношению к собственному произведению;

– анализ традиционных бинарных оппозиций, взаимно претендующих на привилегированное положение в культуре и отрицающих друг друга, задачей которого является уничтожение противостояния между этими оппозициями.

И. Ильин в той связи пишет: «Следует отметить, что сама по себе деконструкция никогда не выступает как чисто техническое средство анализа, а всегда предстает своеобразным деконструктивно-негативным познавательным императивом «постмодернистской чувствительности» [2, с. 178].

Иными словами, сущность деконструкции следует понимать как критическое восприятие и столкновение друг с другом устоявшихся литературных, философских и социальных стереотипов и институтов. Ж. Деррида, идя по этому пути, стирает грани между реальным и ирреальным мирами, между воображением и действительным положением вещей. Материалом для деконструкции обычно служат системы координат культуры и философии. Размышляя о деконструкции, Ж. Деррида пишет: «Именно потому, что она никогда не ставит в центр внимания лишь означаемое содержание, деконструкция не должна быть отделима от политико-институциональной проблематики и должна искать

новые способы установления ответственности, исследования тех кодов, которые были восприняты от этики и политики» [3, p. 74].

Представление постструктуралистов о власти в культуре как о господстве неких ментальных структур и попытка освободить сознание от их подавляющего влияния, на наш взгляд, имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемым процессам перехода и преходности. Самодовлеющие культурой и определяющие его поведение силы, обозначаемые деконструктивистами как «власть», «институт», «институция», расцениваются ими как фантомы сознания, которые необходимо демистифицировать.

В большей степени к нашему предмету исследованию имеют отношения французские деконструктивисты, которые пытаются демистифицировать весь культурный интертекст, в отличие от американских, занимающихся непосредственно проблемами литературного текста. Согласно концепции Ж. Дерриды, любая институциональная замкнутость порождает ложное, деформированное сознание, легко управляемое господствующей идеологией. Нигилистическое отношение к навязанным извне стереотипам сознания, безусловно, способствует своего рода защите от различного рода негативных воздействий на происходящие в культуре процессы. В частности, И. Ильин пишет: «Сверхзадача деконструктивистского анализа состоит в демонстрации неизбежности «ошибки» любого понимания, в том числе, того, которое предлагает сам критик-деконструктивист» [4, с. 185].

Интересно, что сами деконструктивисты не согласны с трактовкой их метода как разрушения текста литературного или интертекста культуры. Так, Р. Сальдивар подчеркивает: «Деконструкция – это демонтаж старой структуры, предпринятый с целью показать, что ее претензии на безусловный приоритет являются всего лишь результатом человеческих усилий и, следовательно, могут быть подвергнуты пересмотру» [5, p. 150].

Признание изначальной ошибочности и относительности любого восприятия культурного текста и его трактовки влечет за собой формирование неких внутренних интерпретационных полей, которые защищают от манипуляций подверженное им сознание. Призывая к активности интерпретации, де-

конструктивисты разрушают попытки воздействия на бессознательные механизмы человека. Умение видеть сразу несколько сторон одного и того же процесса, иронически относиться к свободной игре одновременных словесных ассоциаций, расширять варианты собственного восприятия текста и интертекста культуры создают своего рода отстранение сознания от непосредственного влияния на него этих текстов.

Применительно к переходу и переходности интересно также рассмотрение проблемы реликвий в культуре. Ж. Бодрийяр в книге «Система вещей» исследует эту проблему реликвий структурирующую мир культуры, подобное структурирование является основой для ряда разрушительных, в т. ч. и кризисных процессов. Реликвии создают двойное чувство обладания: человек имеет их в качестве собственности и символического смысла, они становятся, своего рода, заступниками, голосами далеких предков, которые помогают понять вечные ценности. Ученый пишет о реликвиях: «Они служат бегством от повседневности, а самое радикальное и глубокое бегство – это бегство во времени, в свое собственное детство. Подобный метафорический побег присутствует, видимо, и в любом эстетическом переживании, но произведение искусства как таковое требует некоторого рационального прочтения, тогда как старинная вещь в чтении не нуждается, она сама по себе «легенда», ибо характеризуется мифическим коэффициентом подлинности культуры» [6, с. 90].

Реликвия переживается в культуре как совершенный предмет, который существует вне времени и пространства, создавая подобные иллюзии своему владельцу: она щедро дарит ему раз и навсегда запечатленные вековые символы, символически воссоединяет с Отцом и Матерью. В отличие от функционального предмета, который «знаково беден» и соотносится с сиюминутностью, мифологический обладает многослойным смыслом, соотнося себя и владельца со временем предков и с совершенным прошлым природы.

Ученый приводит в качестве примера туристическую поездку, которая оценивается как интересная в случае, если сопровождается поисками утраченного времени. В этом, на его взгляд, заключается характерная для современной культуры дуальность сознания,

которая по сути своей – слабость, сочетающаяся с попыткой ее преодолеть регрессивным путем. Дуальное существование порождает всякого рода двусмысленности: например, современная функциональность переплетается со старинным «декором», представители благополучных социальных слоев окружают себя предметами крестьянского быта. Такая ситуация приучает потребителя прежде, чем понять, для чего служит предмет, присвоить его себе: дает о себе знать «фантазм могущества».

Вещь теряет свою функцию, заменяя ее смысловым полем знака: «Как «дикарь», так и «цивилизованный» улавливают в форме вещи некое «свойство» – один связывает его с современной техникой, другой со стародавними временами пращуров... «Недоразвитый» нуждается в образе Отца как Могущества (в данном случае – могущества колониальной державы); страдающий ностальгией «цивилизованный» – в образе Отца как рожденности и ценности. В первом случае это проективный миф, во втором – инволютивный. И будь то миф о могуществе или миф о первоначале, вещь всегда в культуре психически нагружается тем, чего недостает человеку: для «недоразвитого» в техническом предмете фетишизируется могущество,

для «цивилизованного» человека технической цивилизации в предмете мифологическом фетишизируются рожденность и подлинность» [6, с. 90].

Таким образом, можно сказать, что деконструкция, примененная к культуре и происходящим в ней процессам, позволит современной культуре избежать навязанного «институтами» смыслового восприятия, освободить от власти над его сознанием, найти самому тот момент и определить те цепочки, по которым эта власть осуществляется.

1. *Махлина С. Т.* Семиотика культуры и искусства. Опыт Энциклопедического словаря. СПб., 2000.
2. *Ильин И.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
3. *Derrida J.* Psyche: Invention de l'autre. P., 1990.
4. *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
5. *Saldivar R.* Figural language in the novel The flowers of speech from Cervantes to Joyce. Princeton, 1984.
6. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.

Поступила в редакцию 1.11.2012 г.

UDC 008

TRANSITION AND TRANSITIVITY AND DECONSTRUCTION

Andrey Vladimirovich MALYSHEV, All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov, Moscow, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, e-mail: l-geraschenko@yandex.ru

The notions transition and transitivity taking into account influence of deconstruction on culture processes are considered.

Key words: deconstruction; transition; transitivity; culture.